

УДК 82.161.1(091)(092)"18"

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ИССЛЕДОВАНИЯХ Л. Н. МУРЗИНА

Борис Вадимович Кондаков
профессор кафедры русской литературы
Пермский государственный университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15. kondakov@psu.ru

В работе анализируется литературоведческая работа о драме А.Н.Островского «Гроза», написанная профессором-лингвистом Л.Н.Мурзиным, работавшим в Пермском университете в 1960-90-е гг. Полемика с распространившимися в 1960-е гг. интерпретациями пьесы позволила поставить теоретические и методологические вопросы о природе художественного текста и о принципах его комплексного филологического анализа. Работа Л.Н.Мурзина предвзяла его теоретические исследования, выполненные в 1980-90-е годы, и обосновывала герменевтический подход к тексту.

Ключевые слова: лингвистика; литературоведение; методология; текст; интерпретация; имплицитный и эксплицитный текст.

Профессор Л.Н.Мурзин в первую очередь был человеком высокой гуманитарной культуры, блестяще эрудированным в различных областях знания, обладавшим острым чувством *новизны* в науке и искусстве. Он был *Филологом* – в том смысле, в каком это слово обычно использовалось в XIX веке, т. е. не узким специалистом в какой-то одной сфере знания, а человеком, неплохо разбирающимся в разных разделах филологии, а также смежных гуманитарных наук – истории, искусствоведения, философии (а главное – *осознающим* свою научную деятельность именно в таком широком контексте).

Конечно, в первую очередь, Л.Н.Мурзин занимался проблемами лингвистики и был блестящим лингвистом-теоретиком. Но в то же время он прекрасно знал русскую и мировую литературу, внимательно следил за новинками литературного процесса, интересовался проблемами философии и новейшими литературоведческими концепциями и смело вступал в дискуссии о современной литературе, был прекрасным чтецом-декламатором... Все это проявлялось в его лекциях, диалогах с коллегами и учениками, всегда наполненных живой мыслью; именно этот активный процесс познания Л.Н.Мурзин больше всего ценил в студентах и аспирантах.

Лингвистические работы профессора Л.Н.Мурзина отличал общефилологический *комплексный* (интеграционный) подход к тексту, предполагавший многочисленные выходы в проблемы смежных разновидностей знания – филологии, культурологии, социологии, психологии,

риторики, педагогики, информатики, герменевтики, и в том числе – литературоведения.

Л.Н.Мурзина интересовало то, как в тексте – в той или иной форме – выражается *культура*. Этот интерес проявлялся и в его ранних лингвистических работах, посвященных стилю художественных произведений писателя Вяч.Шишкова [Мурзин 1960; Мурзин 1961] (писателя, до сих пор во многом загадочного и явно недооцененного, влияние которого на литературный процесс XX века было гораздо более существенным, чем об этом обычно пишут в литературоведческих исследованиях)¹. Текст как явление культуры Л.Н.Мурзин неоднократно рассматривал и в работах, написанных после защиты им докторской диссертации, во второй половине 1980-1990-х гг. [Мурзин 1985; Мурзин 1990; Мурзин, Литвинова 1988].

Л.Н.Мурзина интересовали культурологические функции текста, текст как средство истолкования культуры и как средство «вхождения» в культуру (чужой текст делается своим), природа интерпретации как универсального текстообразующего механизма, в котором через посредство культуры происходит замещение опосредованной «чужой конструкции» конструкцией «своей». Л.Н.Мурзин подчеркивает функциональную двойственность художественного текста, своеобразную «двухэтажность» его строения: практически тождественные в плане выражения тексты порождают различные (хотя и частично пересекающиеся) планы содержания.

Все эти идеи своеобразно отразились в единственной *собственно литературоведческой* статье Л.Н.Мурзина «Характер Кулигина с точки зрения Добролюбова («Гроза» А.Н.Островского)», подготовленной в соавторстве с М.Лукониным [Луконин, Мурзин 1967]. Статья эта была написана предположительно в 1964-1965 гг. (т. е. вскоре после приезда Л.Н.Мурзина в Пермь и защиты им кандидатской диссертации), а опубликована 1967 г. в «Ученых записках Пермского государственного университета» (издательский процесс в те годы протекал весьма медленно, и подготовленные к изданию монографии и сборники обычно по 2-3 года «лежали» в издательском отделе, дожидаясь получения всех необходимых для «выхода в свет» разрешений).

Сам выбор в качестве материала пьесы А.Н.Островского весьма интересен. Пьеса по своему содержанию и особенностям поэтики является как бы «переходной», поскольку она находится на «пересечении» двух этапов деятельности драматурга: с одной стороны, она завершает «купеческий» период (конец 1840-х – 1850-е гг.) его творчества; с другой – предваряет «исторический» период (1860-е годы).

Интересен и текст самого произведения. Во-первых, это одно из самых известных, «затертых» произведений писателя (еще со школьных времен окружено многочисленными «жесткими» штампами читательского восприятия); во-вторых, это драма, породившая многочисленные критические, литературоведческие и театральные интерпретации²; в-третьих, это пьеса, содержащая – при всей своей «заштампованности» – многочисленные загадки, до сих пор еще не разгаданные литературоведами и режиссерами. Принципиально неточным оказывается художественное время произведения и историческое время, с которым оно связано (считается, что предположительно это 1820-е гг., но в то же время в тексте могут быть обнаружены отдельные детали, характерные как для периода конца 1850-х гг., так и XVIII в.); довольно широким оказывается спектр интерпретаций образов главных и второстепенных персонажей произведения (весьма психологически сложных и неоднозначных). Можно предположить, что интерес, проявленный к драме «Гроза» со стороны Л.Н.Мурзина, мог быть вызван стремлением преодолеть в своей работе некоторые существовавшие в тот период определенные идеологические и эстетические стереотипы, связанные с данным произведением.

Показателен и выбор в качестве объекта исследования статьи характера, обычно не очень понятного для читателей и зрителей пьесы, – изобретателя-самоучки Кулигина, в образе кото-

рого соединяются черты как ученого-гражданина, так и «местного сумасшедшего». Интересно и то, что Кулигин – персонаж, связанный *через текст* (речь идет о его репликах в диалогах с другими персонажами) сразу с несколькими эпохами: в его высказываниях – помимо скрытых цитат из некоторых известных текстов XIX в. – обнаруживаются скрытые аллюзии на сатирические повести XVII в., оды М.Ломоносова и т. п.). Сам Кулигин как персонаж пьесы выступает прежде всего как *интерпретатор*: он все время либо кого-то обличает, либо проповедует, при этом он сам называет свои речи «болтовней» [Луконин, Мурзин 1967: 186-187]. Он выступает как интерпретатор технических изобретений и научных открытий прошлого, сущности общественного блага и нравственных ценностей, выраженных в Евангелии (как он их понимает), поступков обличаемых им «самодуров» и всего «самодурного царства».

Основным материалом исследования в статье оказывается не столько текст А.Н.Островского, сколько различные его *интерпретации* – интерпретация школьного учебника по литературе [Зерчанинов 1960], «хрестоматийная» для советского периода интерпретация пьесы Н.А.Добролюбовым (статья «Луч света в темном царстве» [Добролюбов 1952]) и интерпретация литературоведа 1950-1960-х годов А.И.Ревякина [Ревякин 1955].

Статья Н.А.Добролюбова «Луч света в темном царстве» интерпретировала пьесу Островского как злободневное произведение, в котором ставятся актуальные общественные проблемы, т. е. существенно осовременивала и политизировала пьесу, вводя ее в контекст общественной жизни России конца 1850-х гг. (кануна значительных политических реформ).

Точка зрения на пьесу Островского, изложенная в книге одного из классиков «советского» литературоведения А.И.Ревякина, к началу 1960-х гг. глубоко укоренились в «школьном» и «вузовском» литературоведении. А.И.Ревякин по своему «творчески развивал» концепцию Н.А.Добролюбова, в свою очередь добавляя в нее некоторые идеологические стереотипы советской эпохи (например, о выразителях «народной точки зрения», «неустанной и светлой народной мысли», о «пламенной вере в народ» и в «*обязательное* счастье завтрашнего дня»).

В статье М.Лукониной и Л.Мурзина содержится полемика с получившей в 1950-1960-е гг. интерпретацией образа Кулигина, в соответствии с которой он в «идейно-образной системе драмы» «занимает почти такое же положение, как главная героиня» («второй луч света»), хотя «такой взгляд на значение образа Кулигина <...> никак

не согласуется с основной мыслью статьи Н.А.Добролюбова «Луч света в темном царстве» [Луконин, Мурзин 1967: 183]. С точки зрения авторов статьи (и Добролюбова – в их интерпретации) «превосходство Кулигина над Катериной» «в отношении сознательной жизни» «лишь относительно, потому что оно касается одной логической стороны дела», он – «та же жертва самодуров» [там же: 185-186].

Возникновение такой интерпретации образа Кулигина в какой-то степени может быть объяснено позицией самого драматурга: «Просветитель-демократ по своим взглядам, Островский обрисовал Кулигина – тоже просветителя – с нескрываемой симпатией и теплотой. По замыслу автора, Кулигин с его альтруизмом, стремлением к знанию, сочувствием к униженным и оскорбленным, должен был быть глубоко положительным героем, противостоящим дикой и мрачной силе самодуров. Но как реалист Островский пошел дальше, раскрыв и отрицательные стороны мировоззрения и характера подобных представителей народа» [Луконин, Мурзин 1967: 190].

Однако однозначная интерпретация образа Кулигина как «второго луча света», с точки зрения авторов статьи, оказывается неправомерна, если исходить из всей системы образов драмы: «...На фоне решительных характеров, людей дела, а не слова, Кулигин предстает в своем истинном свете» [Луконин, Мурзин 1967: 191]. Эта интерпретация оказывается неправомерной и с методологических позиций: «...Нелогично всю систему образов анализировать, так сказать по Добролюбову, а одно из звеньев этой системы – совершенно с другой точки зрения» [Луконин, Мурзин 1967: 190].

Однако, как можно предположить, главным для Л.Н.Мурзина был не историко-литературоведческий интерес к пьесе Островского и не стремление полемизировать с литературоведческими штампами советской эпохи, а внимание к методологическим проблемам комплексного филологического анализа текста и его интерпретаций. С этих позиций данная небольшая работа во многом предвосхищала и реализовывала те подходы к тексту, которые в дальнейшем, в 1980-1990-е гг., будут теоретически обоснованы в исследованиях Л.Н.Мурзина.

В рассматриваемой статье по сути были реализованы представления Л.Н.Мурзина о природе текста вообще и художественного текста в частности: «...Специфику текста художественного произведения следует видеть прежде всего в его функциональной двойственности, своего рода «двухэтажности» построения. Художественный текст отличается от любого другого текста тем, что в нем как бы совмещаются два текста, тож-

ественные (или почти тождественные) в плане выражения. Естественно, и планы содержания обоих текстов частично перекрещиваются и строятся параллельно друг другу. С этим связаны и известные трудности, которые испытывает говорящий, создавая художественный текст. Он должен не только владеть данным языком, но и уметь преобразовывать его в другой, специально приспособленный к выражению двойственной сущности данного текста» [Мурзин, Литвинова 1988: 128].

Пьеса Островского и связанные с ней «интерпретационные» (т. е. «преобразованные» к «выражению двойственной сущности») тексты как нельзя лучше подходили для подобного анализа. Как отмечал Л.Н.Мурзин в другой своей работе, «...интерпретация текста существует не иначе, как в форме текста. Поэтому проблему интерпретации можно рассматривать как отношение двух текстов – интерпретируемого и интерпретирующего. <...> Имея в виду, что в интерпретации текста активная роль принадлежит говорящему субъекту, мы предлагаем использовать следующие два противопоставления: имплицитный текст – эксплицитный текст и «свой» текст – «чужой» текст» [Мурзин 1985: 7].

По сути в ситуации с пьесой «Гроза» исследователь имеет дело с несколькими слоями связанных между собой текстов (интерпретаций), т. е. с ситуацией «интерпретации в интерпретации» (позднее Л.Н.Мурзин обозначит ее выражением «текст как интерпретация текста»):

1) текст пьесы «Гроза» А.Н.Островского (первичный «интерпретируемый текст»);

2) текст известной критической статьи Н.А.Добролюбова «Луч света в темном царстве», в которой интерпретируется «первичный» текст пьесы;

3) текст «хрестоматийной» литературоведческой работы А.И.Ревякина, в которой интерпретируется пьеса А.Н.Островского и статья Н.А.Добролюбова (а также нескольких других работ, в которых предлагается аналогичная интерпретация образа Кулигина, – включая стандартный для того периода школьный учебник литературы [Зерчанинов 1960: 2]);

4) стереотипные представления о пьесе А.Н.Островского и статье Н.А.Добролюбова (признаваемые единственно верными в советскую эпоху), сохраняющиеся в сознании читателя еще со школьных времен;

5) интерпретация Л.Н.Мурзиным пьесы А.Н.Островского, статьи Н.А.Добролюбова и книги А.И.Ревякина;

6) собственная интерпретация читателем пьесы А.Н.Островского, статьи Н.А.Добролюбова и статьи самого Л.Н.Мурзина;

7) славянофильский «миф о “Грозе”», создававшийся и развивавшийся в русской культуре начиная со статьи критика Ап.Григорьева (в той или иной мере повлиявший на национальное культурное сознание XIX-XX вв.)³;

8) многочисленные иные театральные, критические и литературоведческие интерпретации пьесы (как «классические», так и «современные»), некоторые из которых – так или иначе – могут быть известны читателям статьи.

Все эти «интерпретирующие» тексты, с одной стороны, тесно связаны друг с другом, а также с самим первичным «интерпретируемым текстом» пьесы Островского; для их адекватного понимания требуются многочисленные контексты. С другой стороны, они существенно различаются выраженным в них историческим содержанием, а также авторскими идеологическими позициями. С третьей стороны, в них представлены все возможные варианты (разновидности) интерпретирующих текстов. Среди этих текстов есть «традиционные» и «полемические» тексты; некоторые из интерпретирующих текстов нацелены на обновление (например, интерпретация Добролюбова) или даже «дописывание» (современные театральные постановки) интерпретируемого текста; другие – на его архаизацию (интерпретация Ап.Григорьева); среди этих интерпретаций есть «свои» и «чужие» тексты; есть «стандартные» и есть максимально «оригинальные»; тексты «развернутые» и тексты «сжатые» (компрессированные или «редуцированные»). Интерпретации А.И.Ревякина, например, в контексте типологии Л.Н.Мурзина может быть отнесена к «редуцированному» типу, в котором «герои превращаются в рупоры классовых и других идеологий» [Мурзин, Литвинова 1988: 125].

Особенно важным для Л.Н.Мурзина было исследование диалектики «имплицитного» и «эксплицитного» интерпретирующего текстов: «С одной стороны, имплицитный текст можно рассматривать как интерпретацию эксплицитного. <...> Следовательно, с одной стороны, имплицитный текст можно считать некоторой переработкой эксплицитного, своего рода творческой редукцией последнего. С другой стороны, эксплицитный текст представляет собой некоторое развертывание имплицитного, то есть в последнем можно видеть своего рода программу, на основе которой реализуется эксплицитный текст. Значит, эксплицитный текст, напротив, есть интерпретация имплицитного. Явное противоречие! Но это противоречие диалектическое. <...> Переработать “чужой” текст, то есть понять его, – значит создать “свой”, фактически имплицитный текст» [Мурзин 1985: 9]. Тексты самого Островского, «интерпретирующие» работы Доб-

ролюбова, Ревякина, упрощенные школьные прочтения пьесы демонстрируют разные уровни взаимодействия «имплицитности» и «эксплицитности», «стандартного» и «оригинального», «своего» и «чужого».

Все эти аспекты текста в их взаимодействии могут продемонстрировать глубину и качество интерпретации. Текст А.И.Ревякина, с которым полемизирует Л.Н.Мурзин, с одной стороны, оказывается слишком «стандартным», а с другой стороны – слишком «чужим» относительно интерпретируемого текста Островского; в нем «эксплицитное» начало превалирует над «имплицитным». «“Свой” текст <...> выступает как инструмент саморазвития. “Чужой” же текст в принципе лишен эгоцентрического начала, в нем заключен посторонний для говорящего чужой мир»; “Чужой” текст «всегда предстает как некоторый внешний материал, через овладение которым говорящий приобщается к чужому миру, в конечном счете к миру общечеловеческой культуры», – отмечал Л.Н.Мурзин в своей работе, опубликованной в 1985 г. [Мурзин 1985: 11].

Единственная литературоведческая работа профессора Л.Н.Мурзина о пьесе «Гроза», написанная в 1960-е гг., стала основой для последующих размышлений ученого о природе текста (в том числе художественного), о его связях с культурой, о методологических принципах исследования, сформулированных в его статьях конца 1980 – первой половины 1990-х гг.

Методологически эта статья во многом предвосхищала *герменевтические* («историко-функциональные») литературоведческие исследования, которые станут популярными в российском литературоведении во второй половине 1970 – начале 1980-х гг. Л.Н.Мурзина всегда интересовало то, как в тексте выражается культура. Процесс возникновения новых текстов-интерпретаций, их функционирование, связанное с перемещением «интерпретирующего» текста из «центра» на «периферию» и наоборот, по сути составляет, с одной стороны, «бытие» культуры, с другой – является основой для создания индивидуально-неповторимых текстов, выводящих культуру на новый уровень: «...Любой текст каждый человек интерпретирует по-своему, потому что для его осмысления он создает свой, в принципе глубоко индивидуальный, неповторимый текст – текст интерпретации» [Мурзин 1985: 13].

¹ Этой теме была посвящена кандидатская диссертация Л.Н.Мурзина «Состав и стилистические функции форм народной речи в произведении В.Шिशкова “Емельян Пугачев” (Просторечно-диалектные и народно-поэтические элементы)», защищенная в Самаре (тогда – Куйбышеве) в 1963 г.

² Пьеса «Гроза» в XX в. всегда вызывала у режиссеров и актеров желание предложить оригинальное прочтение спектакля. Отметим наиболее интересные полемически заостренные постановки последних десятилетий, осуществленные, например, режиссерами Генриеттой Яновской в Московском ТЮЗе, или Львом Эренбургом в Магнитогорском драматическом театре.

³ Этот текст в статье М. Луконина и Л. Мурзина не называется, однако он, как названные в следующем пункте многочисленные интерпретации, может присутствовать в сознании современного потенциального читателя или зрителя.

Список литературы

Добролюбов А.Н. Луч света в темном царстве («Гроза». Драма в пяти действиях А.Н.Островского) // Добролюбов А.Н. Избранные философские произведения / под ред. М.Т.Иовчука. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1948. Т. 2. С. 435-522.

Зерцанинов А.А. Русская литература: учеб. для 9 класса средней школы. М.: Учпедгиз, 1960.

Луконин М., Мурзин Л. Характер Кулигина с точки зрения Добролюбова («Гроза» А.Н.Островского) // Ученые записки Пермского государственного университета. Пермь, 1967. Т. 155. Вопросы изучения русской литературы XIX – начала XX вв. С. 183-191.

Мурзин Л.Н. Стилистическая роль форм народной речи в языковой характеристике Пугачева (Историческое повествование В. Шишкова

«Емельян Пугачев») // Вопросы теории и методики изучения русского языка. Казань, 1960. С. 117-129.

Мурзин Л.Н. Текст как интерпретация текста // Отбор и организация текстового материала в системе профессионально-ориентированного обучения: межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1985. С. 7-14.

Мурзин Л.Н. Язык – текст – культура // Статус стилистики в современном языкознании. Пермь, 1990. С. 113-115.

Мурзин Л.Н. Язык рассказа Л. Толстого «Три смерти» (Заметки и наблюдения) // Ученые записки / Бирск. пед. ин-т. Уфа, 1961. Вып. 4. С. 48-65.

Мурзин Л.Н., Литвинова М.Н. Текст как художественное произведение: к проблеме специфики // Функциональные разновидности речи в коммуникативном аспекте: межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1988. С. 122-128.

Островский А.Н. Гроза // Островский А.Н. Полн. собр. соч. / сост. А.И.Ревякин. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1960. Т. 2. Пьесы. 1956-1861. С. 210-267.

Ревякин А.И. «Гроза» А.Н.Островского. М.: Учпедгиз, 1955.

Фатическое поле языка (памяти профессора Л.Н.Мурзина): межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1998.

THE PROBLEMS OF LITERATURE STUDIES IN LEONID MURZIN'S WORKS

Boris V. Kondakov

Professor of Russian Literature Department
Perm State University

The article deals with philological work of Professor Leonid N. Murzin on A.N.Ostrovskiy's drama "The Storm". The linguist worked in Perm State University in the 1960-s-1990-s. His polemics with the play interpretations of the 60's allows to state theoretical and methodological questions on fiction text nature and principles of its complex philological analysis. The work considered here precesses Leonid N. Murzin's theoretical issues of the 1980s-1990s and gives ground to hermeneutics text analysis.

Key words: linguistics; literature studies; methodology; text; interpretation; implicit and explicit text.